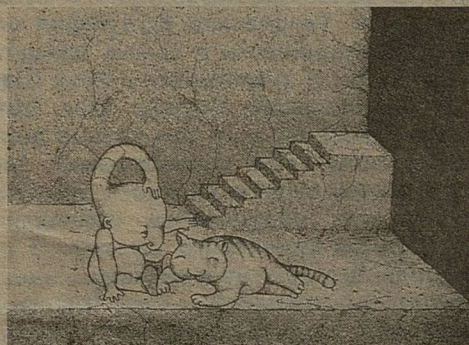
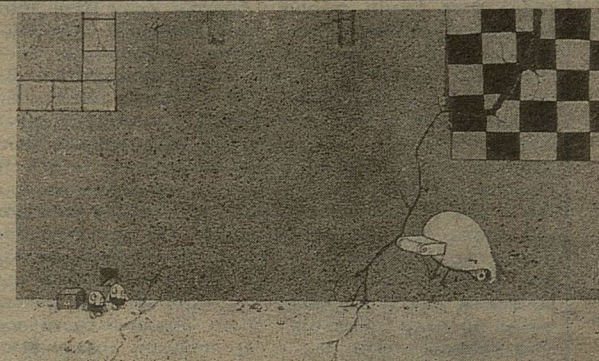

МАСТЕРСКАЯ

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ

...Издали «Черная», приближаясь, сереет. За кадром забивают гвозди. «Г. Г.» осторожно ползет вдоль стенки. Часы с кукушкой непрерывно кукуют. (Негромко). Из стены сбоку вылезает труба и выплевывает воду. По воде и камням ползает туман...

Искусство анимации с каждым днем подбрасывает нам новые сюрпризы — вот и в виде работ недавнего выпускника Высших сценарно-режиссерских курсов Ивана Максимова, из чьего рабочего дипломного сценария, между прочим, и взяты приведенные выше цитаты.

Вы по-прежнему думаете, что анимация — это сюжет, это история, это «все понятно»? Посмотрите «5/4», где странные рисованные существа переливают воду из пустого в порожнее, смешно плюют на лысину, хлопают ногой мух на лбу, забивают и выдергивают гвозди, ходят по кругу и прочее.

Впрочем, все это делается в полном соответствии с одноименной музыкальной пьесой Дейва Брубека, где бесконечно повторяется, как зацикленный, этот нестандартный музыкальный ритм в «пять четвертей». Куда ведет нас такая нигда не ведущая музыка?!

Или вот еще его же сюжет с романтическим названием «Слева направо» из фильма с шифрованным названием «ФРУ-89» (что означает всего-навсего «фрустрация» — состояние подавленных потребностей): некие «колбаски» колоритно и плавно текут слева направо, трансформируясь в самые забавные и странные существа — руконоги, хвосторуки, безголовы и проч. Эти существа двигаются, непрерывно выворачиваясь наизнанку, или кувыркаясь, или то и дело лишаясь головы и т. д. И вся эта «эволюционирующая» текущая свора затекает в некую машину типа «мясорубки», откуда вываливает-

ся — на радость собачке — сахарная косточка. Наступает праздник живота...

Что же это за манера — уподоблять анимацию музыкальному произведению? А фильмам напрямую давать «музыкальные» названия — скажем, «Болеро». Этак ни один литературовед ни в чем киноэкранном разобратся не сможет!

Максимов окончил Московский физико-технический институт по специальности «ядерная физика», работал в Институте космических исследований в отделе радиоастрономии, однако еще в школе его рисунки помещались в научных проспектах европейских конференций по физике плазмы в качестве пиктограмм разделов типа «Electron Beams». После — работал иллюстратором в разных журналах, затем — случайный мультлекторий в кинотеатре «Баррикады», где ведущий «проговорился» о существовании курсов. И — все, пропал человек для науки. И наконец родился художник Максимов.

Своеобразен мир его фильмов. Взять хотя бы персонажей — они похожи

на сильно увеличенных микробов или на зародыши неких невзрослевших существ. Сам Ваня называет их персонажами младенческой души, ценя в них щепотку непосредственности и детскость. Лично мне это напоминает то ли Ива Танги, то ли Петра Камлера, и я начинаю пытаться Ваню о возможных влияниях.

— Ну да, — говорит он мне, — конечно, и голландская живопись, и американские писатели, и польские фильмы, и английские комиксы, и чешский сюрреализм, и Ян Леница, и Владислав Старевиц...

Словом, нормальная европейская подкованность. Кстати, а вам доводилось видеть фильмы Петра Камлера?

Тогда вернусь к «5/4», где жужжат мухи, смешная птица с металлическими крыльями делает сальто в воздухе, некий чудик угукает в трубу, прыгают мальчишки-пружинки-одноножки, а лесенка поднимает... к обрыву в пропасть — и никакой тебе логики, кроме, само собой, логики абсурда. Сюрреализм, собственно, уже не роскошь. Ловишься на

иное: на гипнотизм медленных плавучих перемещений, на текучесть ритма, на непредсказуемость дуновений некоего «визуального ветра», то и дело набегающего на экран. К тому же декларируемая простота и даже примитив экранных построений пахивают «дзеном», а это действительно большая новость для московской анимации.

Подлинный сюжет в новой анимации — не литературная история, а пульсация эмоций, сочетание холода и тепла, привязка к визуальному и звуковому впечатлению — и ничего больше. Подобный минимализм обнажает самые основы искусства анимации, освобождая ее от литературоцентризма. Здесь художник непосредственно работает с энергетикой создаваемых им форм, не попадаясь в капкан саморефлексии. «Процесс ради самого процесса», — говорит сам режиссер о модели своего кино. — В небольшом

фильме мне хочется передать ощущение от школьной перемены — такой напряженный сюрной «крутяк» в быстром темпе и с необычайной детской энергетикой».

Фильмы Вана Максимова пока все на один сюжет: энергетический. Ничего другого в них нет. Но ничего другого нет и вокруг нас в жизни. Переход на этот уровень в осмыслении экранной реальности можно сопоставить в физике, например, с переходом от механики Ньютона к теории относительности Эйнштейна. Распадается очередная картина мира — но сам-то мир по-прежнему существует. Разрушение всегда обнажает нерушимую основу. И эта основа вновь начинает «сквозить» в нашей богатой камуфлированной сюжетами анимации. Ну что же, доброго сквозняка!

Алексей ОРЛОВ.

● Кадры из фильмов.